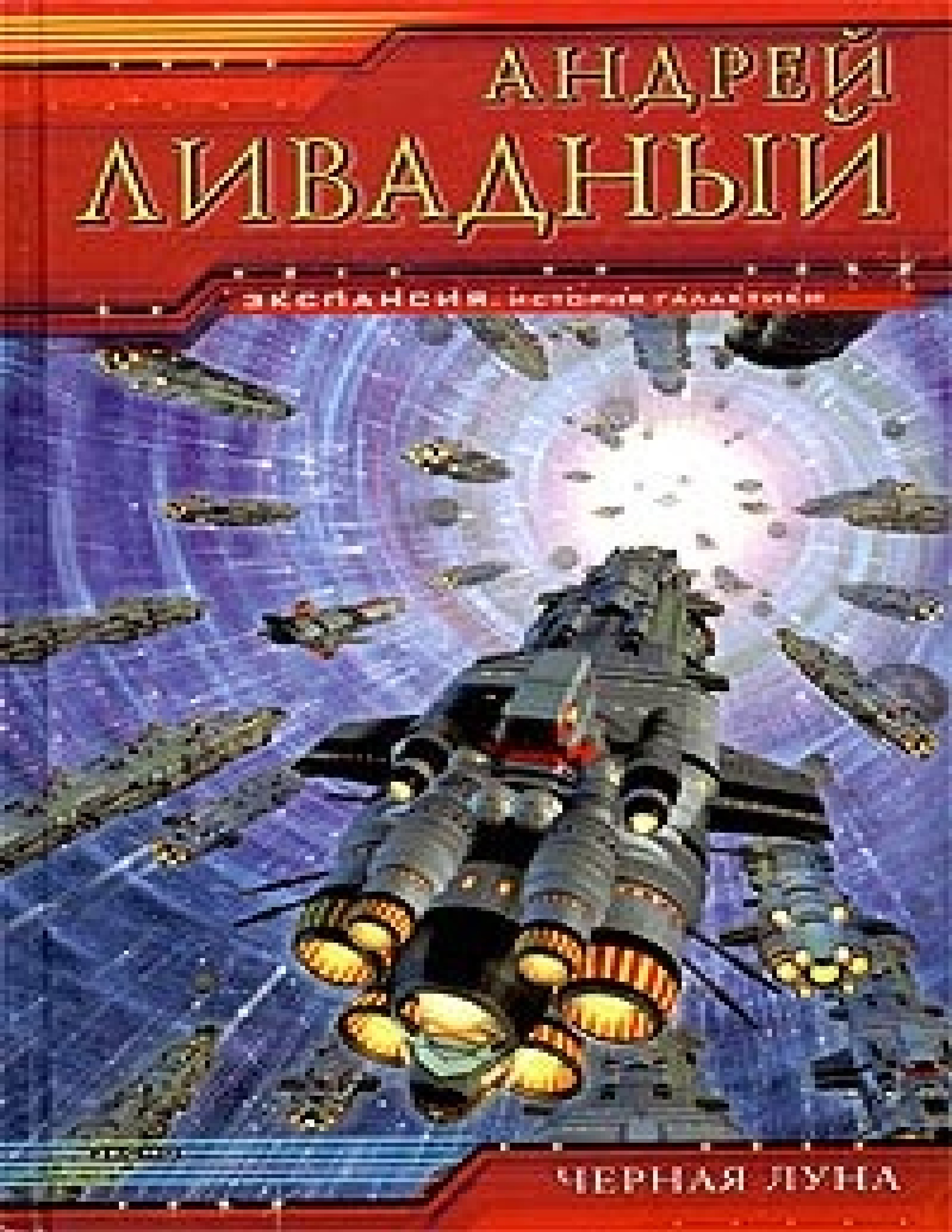

АНДРЕЙ
ЛИВАДНЫЙ
ЭКСПАНСИЯ. ИСТОРИЯ ГАЛАКТИКИ
ЧЕРНАЯ ЛУНА

Annotation

2907 год.

Война закончилась. Саморазвивающиеся кибернетические системы остаются брошенными на произвол судьбы. В глубинах космоса дрейфует разрушенная станция, где ведут борьбу за существование пережившие войну машины. Кто является для них высшим существом и способны ли кибернетические рассудки помнить о своих создателях?

Андрей Ливадный Свидание с Богом (Экспансия: История Галактики — 19)

Глава 1

Охотнику было лет триста, не меньше.

Сам он никогда не задумывался о своем возрасте — там, где нет смены дня и ночи, времен года и прочих признаков течения времени, само понятие об этом теряет свой смысл. Он просто был, а сколько продолжалось данное существование и какой срок ему отпущен в будущем, такие вопросы просто не волновали его.

До выхода на поверхность Охотника, как обычно, провожали два маленьких «Хоплита». Один бежал впереди, а другой сзади, освещая темный тоннель рассеянным светом плечевых фонарей. Это являлось их обязанностью, выполнение которой придавало двум небольшим созданиям огромный вес в обществе. Охотник знал: любой житель уровня «С» был бы рад оказаться при деле, но найти подходящую работу удавалось далеко не всем. Не зря, после последнего возвращения с поверхности, Ремонтник, придирчиво осматривая его броню, долго и нудно брюзжал по поводу того, что не нашел на ней ни одной более или менее свежей царапины, которую стоило бы латать.

Самым страшным для любого обитателя уровня являлась перспектива вдруг остаться не у дел, застыть где-нибудь в углу бессмысленным и бесполезным изваянием, до которого уже никому и никогда не будет дела…

«Нужно постараться допустить какую-нибудь оплошность», — рассудил про себя Охотник, приводя в действие механизм внушительного люка, который запирал выход на поверхность. Хотелось доставить несколько приятных минут старику, который всегда хорошо относился к тем, кто нуждался в его помощи. Для Охотника еще оставались памятными те дни, когда он был молодым, задиристым и неопытным, а потому часто возвращался с поверхности с серьезными повреждениями. Тогда Ремонтник еще находился в силе. По поводу и без повода разжигая все свои плазменные горелки, он с истинным наслаждением латал покалеченную на поверхности броню Охотника, щедро расходуя свой запас материалов, в то время как молодой Охотник с благодарностью взирал на его работу. Остаться калекой — незавидная участь, и в ту пору он относился к Ремонтнику с неким обожанием.

Теперь времена уже давно не те. Во-первых, на поверхности перевелась вся крупная и опасная дичь. Во-вторых, Охотник накопил столько опыта, что уже не подставлял свои порядком поизносившиеся бока

под шальной залп какой-нибудь одичавшей стаи ходячих лазеров. Таких придурков он обходил стороной, мало ли что на уме у носатых и несерьезных двуногих пушек, им лишь бы палить по сторонам, разбрасывая дорогую энергию, — откуда только берут ее?

Размышляя таким образом, Охотник вышел на поверхность.

Звезды висели над головой, щедро усыпав бескрайнюю черноту серебряной пылью точек.

На фоне этих холодных искр медленно двигалась темная масса. По мнению «Хоплитов», на одном из которых еще сохранились лазерные дальномеры, до этой темной глыбы металла было не меньше сорока километров. Про нее рассказывали всякие небылицы: будто кто-то из старых, уже развалившихся обитателей внутреннего анклава как-то раз видел при помощи инфракрасной оптики просвечивающее сквозь внешний слой брони яркое пятно работающего внутри реактора… Сказки, конечно, но все равно приятно. Эта темная глыба на орбите придавала каждой вылазке особый таинственный смысл. Охотник был натурой романтичной, он любил думать о том, как найдет однажды нетронутый бак с реактивным топливом и сможет совершить прыжок к этой темной массе. Может быть, там внутри действительно до сих пор работает реактор? От этой мысли ему всегда становилось не по себе. Найти постоянный источник энергии. Это была заветная мечта любого обитателя станции.

Пока что концы с концами удавалось сводить исключительно за счет охоты, да еще — вторично используя совершенно истощенные химические элементы, запасы которых раньше занимали два огромных складских помещения, а теперь кончились, так же как и все в этом мире. Но пока работал Центральный Процессор, он успел обдумать данный вопрос и велел собирать истощенные химические батареи, которые в более благоприятные времена просто бросали там, где происходила замена. Теперь их искали, разбирали и их содержимым наполняли специальные ванны, в которых истощенные реактивы, оказавшись в больших количествах, еще могли вырабатывать ток.

Света на поверхности станции не было уже давно. По иным меркам освещенность старой конструкции можно было назвать «мягкими сумерками» на одной стороне и абсолютным мраком на обратной.

Источником слабой лучистой энергии служила, естественно, звезда, но она располагалась так далеко, что ее лучи едва разгоняли темноту, согревая обшивку Древней конструкции на величину, лишь в несколько градусов отличную от абсолютного нуля.

Впрочем, для Охотника это казалось совершенно привычным и

нормальным.

Выбравшись из люка, он немного постоял под рассеянным, холодным светом далеких звезд, а потом повернулся и медленно пошел в сторону внешних причалов космопорта станции.

На данное зрелище стоило посмотреть. Окажись тут волею случая человек, хоть сколько-нибудь сведущий в космической технике и истории, то он был бы поражен и самим видом видавшей лучшие времена древней конструкции, и тем, что происходило на ее поверхности.

Один вид целеустремленно шагающего по своим делам древнего боевого робота класса «Фалангер» вверг бы в шок кого угодно, не говоря уже о том, что он не просто хорошо сохранился и выглядел вполне исправно, но и вдобавок ко всему казался озадаченным какой-то ведомой лишь ему целью…

Охотник действительно знал, куда и зачем идет. В нескольких километрах от выхода на оболочку из покатой, сферической оболочки огромной космической станции выступали циклопические постройки разрушенных вакуум-доков. Когда-то тут принимали с борта причаливших кораблей руду, которая затем шла в переработку. Станция, отправленная в глубокий космос по соображениям секретности, работала на войну, и основной ее продукцией являлись огромные ромбовидные плиты брони, которые в последующем шли на обшивку боевых кораблей.

Война закончилась около трех веков назад, но все эти исторические факты не были известны шагающему по поверхности древней конструкции роботу. Более того, они не интересовали его и не имели, по представлениями машины, никакого практического смысла.

Добравшись до первого разлома, параллельные стены которого наклонно уходили вглубь, робот остановился, внимательно изучая окрестности своим единственным глазом.

Раньше у Охотника их было целых пять — два впереди, один сзади и еще два видеосенсора располагались по бокам корпуса, но теперь из пяти видеокамер осталась одна, да и та что-то заедала в подвижном гнезде, охотнее поворачиваясь вправо, чем влево.

Из-за этого ему приходилось поворачиваться всем корпусом, чтобы взглянуть по сторонам.

Вот и сейчас, стоя у начала пологого многокилометрового пандуса, по дну которого был проложен монорельс, предназначенный для давно вышедших из строя складских вагонов, он медленно поворачивал свой торс, обозревая панораму застывшего и разрушенного космопорта.

Взгляду Охотника открывался дикий урбанистический пейзаж, щедро

пополненный следами отгремевших тут некогда боев: над изгибающейся поверхностью Станции высились решетчатые стрелы разгрузочных кранов, между ними зияли черные провалы пустых пакгаузов, между выступающими наружу надстройками пролегали ровные, изломанные под прямым углом на перекрестках линии дорог, поверхность которых до сих пор оставалась намагниченной и присасывала к себе все металлические предметы… кое-где из продырявленной ракетами обшивки плавно вспучивались купола старых защитных систем, некоторые из них очень давно превратились в расплавленные бесформенные кляксы застывшего замысловатыми потеками металла.

Дальше следовал целый лес разгрузочных стрел, с которых во все стороны свисали обрывки стальных тросов, и все это было изрезано узкими расселинами спускающихся вниз, в недра станции пандусов, замысловатых, образующих многоярусный лабиринт транспортных развязок и прочих вспомогательных коммуникаций.

Настоящие джунгли, в которых можно запросто сбиться с пути и бесконечно блуждать по многоуровневым переходам, изредка попадая в пустые или же наполненные рудой склады.

Насколько знал Охотник, дальше за космопортом простиралось пустое, изъеденное язвами ожогов пространство, заканчивающееся колоссальным провалом — воронкой с коническими, оплавленными адской температурой краями, которая образовалась в момент взрыва ядерного реактора станции…

…Не заметив ничего достойного внимания, он свернул вправо от ведущего вниз разлома, с тем чтобы обойти зевы пакгаузов и оказаться подле стреловидного решетчатого леса.

Поступь намагниченных трехпалых ступоходов старого «Фалангера» отдавалась по обшивке древней конструкции ощутимой, вибрирующей дрожью.

Проходя мимо трехэтажного административного здания с выбитыми бронестеклами в панорамных окнах, Охотник случайно зацепился спаренными стволами вакуумных автоматических орудий за переплет пластиковой рамы, вырвав ее из гнезда. Остановившись, он заглянул внутрь темного помещения, но его видеосенсор не различил в полумраке ничего необычного — мертвые диспетчерские пульты, несколько парящих в невесомости операторских кресел и вездесущие тучи разного мусора, неподвижно висевшие статичными облаками хлама.

Пушки в последнее время очень раздражали Охотника. Снаряды к ним давно кончились, и теперь они торчали по бокам торса, только мешая

при ходьбе в узких проходах, но Ремонтник наотрез отказался удалить их. Он мог только восстанавливать, но никак не калечить, это качество строго регламентировалось заложенными в него программами, а что такое базовые программы, Охотник знал не хуже других. Нарушить их не было никакой возможности, да это и не пришло бы в голову ни одной машине, иначе как можно будет существовать дальше, если вдруг что-то случится с основой основ, дающей смысл каждому действию? Он видел машины, у которых отказала долгосрочная память, — они становились тупыми и беспомощными, бесцельно дергались, крутились на месте или просто шли по прямой, пока не встречали на своем пути препятствие…

Вообще, с оружием надо что-то решать, да и со зрением тоже. С тех пор как отказал последний маломощный лазер, Охотнику приходилось справляться со своим делом в полном смысле «голыми руками», что давалось ему нелегко, учитывая габариты, вес и неуклюжесть боевой машины, рассчитанной в основном на дальние дистанции стрельбы.

Но жить-то надо. Приходилось приспосабливаться.

Часа через полтора движения Охотника стали менее уверенными и мощными. Запас энергии в накопителях стремительно таял, а он не нашел еще ничего стоящего внимания и охоты. Один раз тусклое око его видеосканера зацепилось в чаще решетчатых конструкций за силуэт одиноко пасущегося шагающего крана, который угрюмо ковырял обшивку своим длинным стреловидным носом, но нападать в таком состоянии Охотник не решился. Кран, судя по его движениям, был вполне исправен, да и подобраться к нему в теснине решетчатых ферм совсем непросто — чего доброго, заметит да долбанет раскачивающимся во все стороны полутонным крюком, болтающимся на коротком, но прочном мономолекулярном тросе… Нет, сначала нужно найти что-нибудь попроще, и хоть немного подзарядиться, а уж потом думать, как подобраться к такой крупной добыче и обезвредить ее, используя лишь сервоприводную энергию титановых мышц…

Рассудив таким образом, Охотник обошел опасный участок стороной. Вообще-то, если соизмерить его мыслительные процессы мерками живых прототипов, в последнее время «Фалангер» чувствовал себя не вполне нормально. Здесь уместна аналогия со старым, но еще полным сил львом, у которого выкрошились зубы, обломались когти, исчезла былая стремительность и опасная грация движений, присущая Царю Зверей. И вот, этот некогда грозный хищник вынужден на склоне лет заниматься ловлей мелких грызунов или, того хуже, выискивать там, где он когда-то был полноправным властелином, остатки чьего-то обильного пиршества…

Однако сегодня Охотнику повезло. После долгих и бесплодных блужданий по «местам боевой славы» он вдруг наткнулся на щедрый и нежданный подарок судьбы.

Этим подарком оказался Кронг, одиноко устроившийся на самой макушке длинной фермы обслуживания в одном из ремонтных доков космического порта станции.

Вообще-то Охотник справедливо полагал, что глупые ходячие лазеры — этот пришлый бич станции, давным-давно вывели всех Кронгов, но, оказывается, он ошибся — накопитель сидел на самой макушке фермы, растопырив свои ажурные поглощающие уши, и преспокойно всасывал реликтовый водород из окружающего пространства. Старому «Фалангеру» даже показалось, что он видит свисающий вниз от цилиндрического туловища накопителя короткий заправочный кабель.

Охотник медленно и очень осторожно двинулся вперед.

Через некоторое время, подойдя ближе, он заметил, что с другой стороны к ферме, на которой сидел накопитель, подбираются конкуренты.

Это был целый выводок наглых, бродячих Излучателей. Если бы не они, то жизнь на станции была бы куда лучше. Программы запрещали уничтожать Кронгов, относя их в разряд полезных для выживания агрегатов. Накопители следовало периодически опустошать и снова сажать на место, чтобы они могли продолжать свое полезное и жизненно важное занятие по сбору и внутренней конвертации нейтрального водорода, но разве для этих ходячих безруких недоумков писан хоть один цивилизованный программный закон? Естественно, они не могли вскарабкаться на ферму обслуживания. Под силу им было только сбить оттуда несчастный накопитель, потом высосать из него всю накопленную энергию и бросить омертвевший механизм…

В данной ситуации «Фалангеру» оставалось лишь горячо поблагодарить свою внутреннюю базу данных за то, что эти шагающие механизмы определены в графу «десантированных вражеских машин». Это предоставляло ему полную свободу действий.

Чем он и воспользовался с яростным удовлетворением.

На свою беду, стайка из пяти шагающих лазеров была так увлечена *подкрадыванием* к беззащитному Кронгу, что не заметила неумолимо надвигающегося на них сбоку «Фалангера». Будь у того хоть несколько снарядов в обоймах вакуумных орудий, то носатые обидчики беззащитных Кронгов почувствовали бы на себе всю силу праведного гнева Охотника, но, увы… Его пушки уже давно годились лишь для выбивания уцелевших стекол в окрестных надстройках…

Зато у него были руки. Какие-никакие, а вполне пригодные для того, чтобы переломать ступоходы беспринципным браконьерам. Конечно, два грузовых манипулятора, выдвигающиеся из-под боковых оружейных пилонов «Фалангера», мало походили на универсальные конечности приматов или людей, но все же они имели по одному шарнирному локтевому суставу и клешнеобразные подвижные захваты на концах.

В отсутствие оружия приходилось изворачиваться. Охотник знал, что, несмотря на кажущуюся беспечность, лазеры не подпустят его на дистанцию удара, а если у них достаточно заряжены батареи, то могут и изрядно покалечить его жалящими уколами ослепительного, когерентного света.

Воспользовавшись тем, что в вакууме полностью отсутствует звук, он выпустил клешни и ухватил ими ближайшую крепежную штангу, которая поддерживала на весу давно обесточенную и потому бесполезную гроздь прожекторов.

Мощным рывком вырвав ее из обшивки станции, «Фалангер» на секунду замер, пока его внутренние системы обсчитывали новый центр тяжести, сместившийся в результате того, что в манипуляторах Охотника теперь оказалась зажата десятиметровая решетчатая дубина.

Лазеры, ощутив заметное колебание обшивки, обеспокоено вскинули свои непомерно длинные, унизанные изоляторами и излучающими линзами носы. Заметив надвигающегося на них двадцатиметрового «Фалангера», они издали дружный, заполошный радиовизг и кинулись врассыпную, пытаясь скрыться в решетчатых джунглях, образованных сотнями заправочных и обслуживающих ферм ремонтного дока, что некогда подсоединялись к брюху зависающего над ними космического корабля.

Охотник ринулся следом, вломился в решетчатую чащобу, оставляя за собой просеку погнутого металла, но Излучатели уже скрылись…

Он остановился, пытаясь при помощи функционирующих сенсоров определить, куда делись ходячие длинноносые пушки, но в металлической чаще подобное сканирование оказалось бесполезной тратой бортовых ресурсов, металл отражал и множил сигналы, внося на экран радара полнейшую неразбериху разноцветных точек.

Прекратив преследование, Охотник развернулся и посмотрел вверх. Кронг по-прежнему сидел на самой макушке заправочной фермы. От его корпуса вниз действительно свисал размотавшийся из бухты полутораметровый отрезок заправочного кабеля с контактным разъемом на конце.

Если истощенная машина способна ощущать голод, то сейчас

Охотник почувствовал именно его. Это было сводящее с ума острое чувство энергетической недостаточности, которое накатилось, как приступ дурноты у голодного человека. Его движения вдруг стали вялыми, индикационные панели внутри пустой рубки едва светились, механические псевдомускулы будто налились свинцом…

Если бы не мизерная сила тяжести на поверхности станции, то ему нипочем бы не достать оседлавшего макушку сорокаметровой фермы Кронга.

Поджав ступоходы, «Фалангер» лег передней частью своего торса на наклонную поверхность заправочной фермы, вытянул вперед манипуляторы, впившись клешнями захватов в ближайший переплет металлической конструкции, и медленно, метр за метром, пополз вверх…

Полностью сосредоточившись на этом, совершенно не свойственном для грозной боевой машины занятии, он не видел, ни вновь закопошившихся в решетчатой чаще Излучателей, ни яркой, двигающейся по угольно-черному полотнищу космоса искры, которая постепенно увеличивалась в размерах, медленно превращаясь в освещенный пламенем маршевых двигателей корпус космического корабля, такого же древнего и дряхлого, как и сама космическая станция, к которой, судя по всему, был проложен его курс…

Глава 2

Нельзя сказать, чтобы Джону Шеборту везло в жизни, скорее наоборот — он был оконченным неудачником. Иначе как объяснить тот факт, что некогда высококлассный пилот, способный водить большие космические лайнеры, вдруг оказался на борту дряхлого космического корабля, который выглядел намного хуже, чем любой, самый заштатный экспонат в орбитальном музее боевой славы системы Кьюига?

Последнее объяснялось достаточно просто.

Там за действующими моделями старых кораблей следили заботливые руки музейных работников, а тут по внешнему виду старинного армейского транспорта класса «Небулонг» можно было с уверенностью сказать, что его обшивки уже давно не касалась ничья рука…

Тем не менее он еще был в состоянии тащиться своим ходом к месту последней, вечной парковки.

Джон Шеборт, сидевший за пультом управления «Небулонга», был пьян и зол одновременно. Собственно, пристрастие к выпивке и явилось первопричиной его сегодняшнего бедственного положения, но злился он почему-то не на себя, а по очереди, то на судьбу, то на тех, кто его нанял в этот рейс, то на диспетчера окраинной станции, не желавшего поддерживать с ним бессвязный и абсолютно лишенный смысла разговор, то на компьютер старого транспорта, что сначала «завис», а потом и вовсе отключился после его садистских попыток отвлечь навигационную машину от ее прямых обязанностей игрой в покер, на которой пьяно настаивал Джон.

Угораздило же его сунуть в информационное гнездо кристалл с игрой… Откуда же он знал, что военная машина не ориентирована на развлечение пилотов?!

«Подумаешь, хрен великий… — с пьяной злобой подумал Джон, глядя на потемневший навигационный дисплей отключившейся бортовой машины. — Что теперь делать-то?!»

В первую очередь он приложился к початой бутылке, а уж потом водрузил свои не на шутку дрожащие пальцы на подсветившуюся изнутри панель ручного управления «Небулонгом».

«Вот гады, ушатали корабль до полного безобразия, а мне теперь расхлебывай», — с неистовой, иррациональной злобой пьяного человека подумал он, имея в виду нанявших его для этого рейса теперь уже бывших

хозяев отслужившего свое военного транспорта.

Неизвестно, как руководители небольшой коммерческой фирмы, специализирующейся на внутрисистемных перевозках грузов, узнали о заброшенной со времен войны старой космической станции, но они вполне справедливо решили, что на ней можно дешево и без лишних затруднений похоронить принадлежащий фирме и давно отслуживший свое транспорт «Небулонг».

«Конечно, — думал Джон, отчаянно перебирая комбинации кнопок и клавиш, — тех, что всплывали в памяти сквозь дымку алкогольного дурмана, — за утилизацию одного реактора они бы выложили кругленькую сумму, а так все получалось дешево и сердито, они платят только ему, да и то какие-то крохи, за то, чтобы доставить „Небулонг“ в район станции и бросить там, стерев опознавательные номера фирмы и порта приписки, — мол, лежал он тут все время, аж с самой войны — транспорт-то военный…

Вот так… А ему за какую-то паршивую тысячу кредитов выкаблучивайся тут с ручным управлением, да еще потом обратный путь в спасательной капсуле — тоже не сахар: семь суток болтаться в невесомости до границ обитаемого сектора, где его обещали подобрать…»

«Нет… я им выставлю счет за ручную посадку, клянусь всеми Шиистами… Пусть только попробуют не заплатить!» — Джон, несмотря на явную нештатность ситуации, в очередной раз приложился к пластиковой бутылке с дешевым спиртным, загодя закупленным им еще до старта в ближайшем баре космопорта.

Кинув мутный взгляд на экраны внешнего обзора, он увидел, что станция имеет гораздо большие размеры, чем он мог предположить вначале, — она вдруг оказалась попросту ОГРОМНОЙ или так быстро приблизилась, что он и не заметил?!

Пальцы Джона машинально охватили две пористые рукоятки навигационных джойстиков, торчавших из пульта управления по обе стороны от кресла пилота. Оставалось надеяться, что все двигатели коррекции, связанные с системами ручного управления, заправлены и исправны. Проверить это перед стартом Джон, естественно, не удосужился.

А выпуклый, сумеречный борт циклопической конструкции стремительно приближался. Огромная шарообразная масса уже заполнила собой все экраны обзора, грозя раздавить маленький, по сравнению с ней, транспортный корабль.

В этот момент Джон запаниковал по-настоящему.

Бортовой компьютер должен был вывести «Небулонг» на стационарную орбиту вокруг заброшенного космического завода, посадка

на поверхность никак не входила ни в какие предварительные расчеты, но ситуация, похоже, не оставила ни кораблю, ни его пилоту особенного выбора.

Джон Шеборт, несмотря на то что выпитое вдруг начало выходить из него крупными градинами ледяного пота, все еще оставался изрядно пьян, его заторможенная реакция никак не отвечала стремительности грядущих событий. «Небулонг» сближался со станцией «лоб в лоб», и он чувствовал, что не может изменить роковой траектории…

Зажмурив глаза, Джон до отказа потянул на себя оба джойстика. Он инстинктивно ждал ошеломляющего, дробящего кости удара, но шли тягучие секунды, а удара все не было, лишь в недрах многострадального корабля утробно выли изношенные насосы, качающие топливо в камеры сгорания двигателей ориентации…

Открыв один глаз, он посмотрел на экран обзора и обомлел…

«Небулонг», высоко задрав нос, медленно выкарабкивался из какой-то чудовищной воронки с гладкими, отполированными адской температурой краями.

Джон в очередной раз облился холодным потом. Хмель улетучивался из него со скоростью истекающего реактивного топлива, которое рвалось потоком раскаленных газов со срезов множества корректирующих сопел.

«Господи… Дьявол… Пронеси… Я больше никогда не буду пить!..» — мысленно кричал он, до полной судороги в пальцах вцепившись в джойстики ручного управления.

Если бы не эта воронка, дно которой терялось в черных недрах старой заброшенной станции, он бы уже расплющился об ее обшивку, став кровавым пятном в изломанном интерьере ходовой рубки…

Старый корабль, кряхтя, постанывая, дико завывая изношенными внутренними агрегатами, медленно выцарапывался из пике, двигаясь теперь параллельно наклонной стене конической воронки, навстречу черноте космоса и призывному сиянию далеких звезд…

Внимание Джона разрывалось между показаниями немногих работающих приборов, диким видом приближающегося горизонта, выползающего на экраны неровным краем воронки, над которой торчали огарки каких-то древних конструкций, и собственной дурнотой, периодически накатывавшей на него, грозя лишить сознания в самый неподходящий для этого момент…

Если бы Джон Шеборт мог видеть себя со стороны, то, вероятно, он бы еще раз зарекся когда-либо пить, — в кресле первого пилота сидел самый натуральный труп — его отекшее от запоя и внезапных перегрузок

лицо имело бледно-синий оттенок кожи, глаза с мутными, расчерченными красноватой сеткой капилляров белками выкачены из орбит, губы мелко дрожат, беззвучно выговаривая какие-то слова, скрюченные пальцы судорожно вцепились в мокрые от пота рукоятки управляющих джойстиков…

«Небулонг» все-таки чиркнул своим плоским днищем о край воронки, высоко подпрыгнул, словно ему передалась паника пилота. Джон стиснул в этот момент гашетки основной тяги, а корабль, в свою очередь, выплеснул из-под днища несколько ослепительных реактивных струй, оттолкнувших его вверх от опасного среза поверхности, оставив на многострадальной броне древнего сооружения две раскаленных, вишневых полосы… Несколько раз конвульсивно дернувшись, старый транспорт все-таки выровнялся, сбив при этом пару пограничных с краем воронки надстроек, и, чуть раскачиваясь из стороны в сторону, медленно поплыл в сотне метров над покореженной поверхностью станции…

* * *

Руки Джона осторожно отпустили взмокшие рукоятки управления. Ближайшие несколько минут кораблю уже больше ничего не угрожало, отключив двигатели, он плыл параллельно изломанной поверхности древней конструкции, освещая царящий внизу хаос мощным светом бортовых прожекторов.

Только теперь, бессильно откинувшись в кресле, Джон наконец осознал, какой смертельной опасности ему только что удалось избежать.

Все люди по натуре своей — неблагодарные эгоисты. В критические мгновения мы вспоминаем судьбу, бога, даем клятвенные обещания беспорочной жизни, готовы молиться кому угодно и обещать взамен собственную душу — но проходит минута критической опасности, и большинство из нас тут же забывает об обещаниях, данных призванным в свидетели высшим силам.

Джон Шеборт никогда не считал, что он — какой-то особый случай. Исключением из правил быть достаточно трудно, а он уже давно растерял все свои душевные силы в бессмысленной борьбе с зеленым змием…

Вот и сейчас, ощутив, как трясутся руки, почувствовав вновь свое одеревеневшее тело, он машинально потянулся к оброненной на пол пластиковой бутылке.

В этот момент ему было так плохо, что он не думал ни о каких клятвопреступлениях. Джон знал: если он сейчас же не выпьет, то его душа точно отойдет к праотцам…

А, судя по счастливому развитию событий, на тот свет ему пока что рановато…

«Еще поживем…» — подумал он, дрожащими пальцами свинтив непослушную крышку и поднося ко рту прыгающее горлышко бутылки, из которой исходил вожделенный, выворачивающий внутренности аромат Дешевого спирта…

Он успел сделать только один-единственный глоток — кара за клятвопреступление настигла его столь ошеломляюще быстро, что Джон едва не захлебнулся, резко отшвырнув в сторону открытую бутылку…

— Мама милая… — похолодевшими губами прошептал он, глядя на обзорный экран.

Это была белая горячка. Он наконец допился до чертиков, или его просто свело с ума злополучное аварийное сближение со станцией…

Джон, застыв в кресле, с отвисшей челюстью, опасливо и подозрительно покосился на отлетевшую в угол ходовой рубки бутылку, потом энергично тряхнул своей многострадальной головой и вернул полубезумный взгляд к обзорному экрану.

«Точно… допился!..» — с тоской понял он.

Единственное, что показалось Джону и странным, и страшным одновременно, — это то, с какой отчетливостью он осознает собственную невменяемость. В том, что изображение на обзорном экране являлось явным глюком его покореженной психики, он не сомневался ни на секунду.

Нормальному человеку такое не пригрезится.

«Небулонг», потеряв всю свою стремительность на выходе из пике, теперь плыл над поверхностью станции со скоростью едва ли тридцати-сорока километров в час, постепенно снижаясь, под влиянием пологой, нисходящей траектории собственного движения.

Выдвинутые из-под днища транспорта посадочные прожекторы ярко освещали поверхность древней конструкции в радиусе до трех километров. Сейчас «Небулонг» миновал древний космопорт и приближался к его окраинным докам, где высился целый лес ремонтных и заправочных ферм обслуживания.

На одной из таких решетчатых стрел, которая возвышалась под углом в сорок пять градусов к поверхности станции и имела длину никак не меньше пятидесяти метров, и угнездилась его белая горячка.

Джон отчаянно моргал, машинально щипая себя то за запястье, то за щеки, но глюк не исчезал.

По наклонной решетчатой ферме обслуживания, словно механический краб из дурного, кошмарного сна, встав на карачки, медленно карабкался

вверх самый страшный боевой робот отгремевшей несколько веков назад войны. Это был печально известный «Фалангер» — машина весом в шестьдесят тонн, вооруженная не только крупнокалиберными автоматическими орудиями и ракетными комплексами, но и так называемым «программным оружием» — пакетом независимого поведения, который позволял данной машине самостоятельно принимать решения в большинстве возникающих на ее пути ситуаций…

На некоторых планетах электронную начинку «Фалангеров» называли «Пакет Одиночка», на других — «Искусственный Интеллект», но суть сводилась к одному и тому же: этих роботов запретили и уничтожили, оставив в качестве напоминания о данном рукотворном кошмаре лишь кадры видеохроники…

И теперь именно такой кошмар, встав на карачки, карабкается, будто примат в национальном парке Прокуса, по наклонной ферме обслуживания, прямо на глазах обомлевшего от страха и неожиданности Джона…

Дальнейшие события развивались стремительно и вполне подтвердили диагноз, который определил для себя Джон…

«Небулонг», лишившись не только своего бортового компьютера, но и всякой помощи со стороны ошалевшего от страха пилота, продолжал медленно, но неумолимо снижаться, грозя плюхнуться плоским днищем, из-под которого бил яркий прожекторный свет, прямо на торчащие во все стороны фермы обслуживания старого дока.

Однако следует понять Джона, он действительно бросил корабль на произвол судьбы, но причина такой растерянности была вполне оправданна. Расширенными от ужаса глазами пилот смотрел на растущий в размерах контур боевой машины, на ярко освещенной броне которой уже можно было ясно различить сварные швы, заплаты, выщерблины и прочие яркие свидетельства долгой и многотрудной жизни застывшего в неприличной позе боевого робота.

Ситуация складывалась кошмарной и комичной одновременно.

Джон понимал, что этого не может быть, но не в его силах оказалось ни прервать данное наваждение, ни хотя бы уменьшить степень правдоподобности увиденного, слишком уж вопиющими, подробными и НАТУРАЛЬНЫМИ были мельчайшие детали этой пьяной галлюцинации…

Он видел потертые шарниры коленных сочленений двух ступоходов огромного робота, его приплюснутый торс, с двумя темными, узкими, похожими на раскосые глаза бронестеклами смотровых триплексов пустующей кабины, стволы спаренных вакуумных пушек, попарно торчавших по бокам торса, — ОН ДАЖЕ ЯСНО РАЗЛИЧАЛ

ВЫЩЕРБЛИНЫ НА СРЕЗАХ ИХ СТВОЛЬНЫХ КОМПЕНСАТОРОВ!..

В следующий момент робот, вцепившийся вспомогательными манипуляторами в прогибающуюся под его весом решетчатую ферму, начал медленно поворачивать свой торс в сторону проплывающего мимо, всего в каком-то десятке метров от него, космического корабля.

Джон закричал.

Его взгляд затравленно метнулся по секторам обзорного экрана, в отчаянной надежде стряхнуть жуткое наваждение, но ему стало еще хуже. Посмотрев вниз, в сумеречную глубину древнего ремонтного дока, он вдруг заметил, что вслед за его кораблем, продираясь сквозь чащу заправочных ферм, бегут десятка полтора странных, шагающих механизмов с удлиненными носами, которые подозрительно смахивали на самые тривиальные лазерные пушки…

Этого не смогло выдержать даже деформированное воображение Джона.

Он прекратил свой крик, вперившись в экран расширенными, подернувшимися белесой поволокой глазами.

Джон больше не боялся. Он просто потерял сознание от страха.

Через минуту брошенный им на произвол судьбы «Небулонг» зацепился наконец за одну из заправочных ферм, резко вздрогнул, подломив хрупкое по сравнению с его весом препятствие, и беспорядочно вращаясь, начал резко снижаться, падая на изъеденную разрушениями поверхность древней космической станции…

* * *

Охотнику оставалось проползти каких-нибудь пять—шесть метров, когда его внимание отвлек свет.

Оторвав один клешнеобразный захват от решетчатой фермы, на верхушке которой продолжал преспокойно восседать Кронг, «Фалангер» повернул свой торс, ощущая, как качается и гнется под его весом хлипкая, ненадежная опора.

В первый момент процессор огромного робота выдал мгновенный сигнал сбоя.

Для человека данное чувство, выраженное у Охотника неким программным эквивалентом, означало бы: «Он не поверил своим глазам». Процессор «Фалангера» действительно впервые за весь период существования робота усомнился в справедливости зафиксированного собственной камерой видеоряда…

И тем не менее это был космический корабль, который медленно и

величественно плыл, освещая тусклую обшивку старой станции ярким светом своих прожекторов.

Охотник на секунду оцепенел в полном смысле этого слова. Он застыл, будто изваяние, вцепившись в решетчатую ферму, и лишь его видеокамера конвульсивно дергалась в гнезде, провожая взглядом проплывающее мимо ослепительное чудо…

Затем, когда военный транспорт вдруг зацепился своим днищем за одну из ферм и, потеряв стабилизацию в пространстве, начал медленно заваливаться набок, подминая под себя окружающий лес разновеликих штанг стационарного питания, «Фалангер» перевел взгляд вниз и увидел, как вслед за падающим кораблем бежит невесть откуда взявшаяся стая вечно голодных до энергии Шагающих Лазеров.

Это уже было чересчур.

Здесь ни при чем оказалась старая неприязнь Охотника к шагающим мародерам. В силу внезапно вступили, пробудившись от вековой спячки, некоторые, уже прочно позабытые им программные законы.

Дело в том, что процессор «Фалангера», обработав видеоинформацию, точно определил класс корабля, его планетную принадлежность и назначение.

Неважно, что магнитные маркеры «Небулонга» были стерты, перед ним находился военно-транспортный эвакуационный носитель — машина обеспечения для таких, как он…

Реактивация основных боевых программ произвела на Охотника впечатление полыхнувшего внутри информационного взрыва, он, словно раненый боец, разглядевший во враждебном сумраке контур спешащей к нему «вертушки», почувствовал резкий прилив сил. Это не могло быть выбросом адреналина, как то происходит у людей, но процесс оказался схожим — в бортовую сеть был мгновенно выброшен весь резерв энергии, тщательно хранимый процессором на самый крайний случай.

Дальше для электронного разума «Фалангера» настал воистину трагичный момент.

Он больше не мог рассматривать себя как полноценную боевую единицу.

Внутренний боевой дисплей, экран которого оставался пуст и темен на протяжении сотен лет, внезапно ожил, осветив мрак пустой рубки управления.

«Фалангер» задрожал — это в глубинах его торса со скрежетом повернулся ведущий вал боевого эскалатора, но обойменные ячейки оказались пусты, и электромагнитные затворы вакуумных орудий лишь

сухо щелкнули, глотнув пустоту.

«БОЕЗАПАС ИЗРАСХОДОВАН» — лаконично высветил внутренний дисплей.

«ЛАЗЕРЫ ПРАВОГО БОРТА — СИГНАЛ ОТСУТСТВУЕТ»

«ЛАЗЕРЫ ЛЕВОГО БОРТА — ПОВРЕЖДЕНИЕ ЦЕПЕЙ УПРАВЛЕНИЯ»

«МАЛОКАЛИБЕРНЫЕ УСТАНОВКИ — ТЕСТ ПРОВАЛЕН»

В этот момент обшивка станции содрогнулась от сокрушительного удара — это «Небулонг» врезался в нее и по инерции заскользил вперед, сминая лес решетчатых ферм и высекая из-под днища снопы ослепительных искр…

В рубке «Фалангера» ожил целевой монитор.

Ближайшая шагающая Лазерная Установка запуталась в паутине его координатных сеток. По срезу экрана побежали столбцы стремительно меняющихся цифр.

«Атака вражеских машин на базовый корабль поддержки». Вердикт систем логической обработки ситуации был лаконичен и неумолим.

Многострадальная ферма, на макушке которой сидел Кронг, наконец не выдержала обрушившихся на нее нагрузок — стоило Охотнику шевельнуться, и она вдруг беззвучно треснула точно посередине.

«Фалангер» величественно рухнул с высоты тридцати шести метров, заставив обшивку станции еще раз содрогнуться от удара. Кронг, ради которого он медленно и упорно карабкался по решетчатой ферме, печально сложив энергопоглощающие «уши», шмякнулся о плиты обшивки и покатился в сторону, словно обмотанный тонкой серебряной паутиной бочонок.

Бегущие к рухнувшему кораблю носатые Лазеры остановились, с дебильным любопытством обернувшись на новый источник колебаний.

Им не следовало это делать, ибо для «Фалангера» больше не существовало ничего, кроме потребности защитить свой базовый корабль.

Слава богу, Джон Шеборт все еще пребывал без сознания. Пилот, и так натерпевшийся страха, наверняка бы сдвинулся, увидев, как разлетелись во все стороны обломки рухнувших ферм обслуживания, когда из-под них поднялся хищный, уплощенный и вытянутый вперед торс шестидесятитонной боевой машины.

Ближайший к «Фалангеру» лазер разнесло вдребезги, когда на него обрушился удар вооруженного пятиметровым швеллером манипулятора, — только брызнуло по сторонам крошево полуметрового стержня из искусственного рубина, да, подпрыгивая на стыках бронеплит обшивки, в

сторону откатилось несколько фарфоровых изоляторов, слетевших со смятого в лепешку длинного излучающего носа ходячей пушки.

Как ни странно, но Охотник не испытал при этом обычного удовлетворения, его процессор постоянно обсчитывал данные обстановки со скоростью в несколько миллионов бит в секунду, и на «эмоциональную» часть программного обеспечения попросту не хватало его ресурса.

В этот момент Охотник перестал быть самим собой, он полностью трансформировался в «Фалангера».

Хромая и приволакивая поврежденный при падении ступоход, он пошел, расшвыривая в разные стороны мешавшие продвижению препятствия, туда, где возвышался сумеречный контур рухнувшего на поверхность станции корабля.

Следующего, подвернувшегося под руку длинноносого он просто разорвал пополам.

Однако до победы ему было еще далеко. Двуногие пушки, хоть и считались тупыми исполнительными механизмами, но тоже создавались для войны и хорошо знали свое дело. Бросившись врассыпную, эти бродячие мародеры моментально исчезли из поля зрения «Фалангера», и спустя несколько секунд из густых железных зарослей ему в спину ударило несколько острых, жалящих лучей когерентного света…

Охотник почувствовал, как разогреваются пластины брони на его спине. Ему нечем было ответить на лазерный огонь. Схватив первый попавшийся под манипулятор обломок, он резко повернулся и швырнул его назад, целясь по вспышкам. Затем, не снижая темпа движения, подобрал валявшегося тут же Кронга и бесцеремонно воткнул его кабель в свое заправочное гнездо.

Когда резерв Кронга оказался почти исчерпан, Охотник, заметив мелькнувший между фермами обслуживания носатый силуэт, запустил в него накопитель, который с ослепительной вспышкой взорвался в самой чаще металлического леса.

Сейчас ему было не до природоохранных мероприятий. «Фалангер» слишком хорошо понимал: если он не доберется до базового корабля, ему конец, а в такой ситуации все средства казались допустимыми и приемлемыми…

* * *

Джону повезло: садясь в кресло, он умудрился не забыть пристегнуться — это, скорее всего, и спасло ему жизнь при ударе, но, придя в себя, он тут же пожалел, что сознание соизволило вернуться к

нему…

Дело в том, что короткое беспамятство не только не избавило его от бредового кошмара, но, наоборот, казалось, что за время, проведенное Джоном в отключке, этот кошмар еще более усугубился, приняв форму уже не белой горячки, а какого-то иррационального бреда.

«Небулонг» врезался в поверхность станции и прочно застрял в ней, пробив своим тупым, обтекаемым носом внушительную дыру в ее обшивке. Часть внешних секторов обзора погасла, но некоторые еще работали, демонстрируя полуживому пилоту совершенно невозможные с точки зрения здравого смысла фантасмагорические картины происходящих вокруг искалеченного корабля событий.

По широкой проплешине, образовавшейся при катастрофическом скольжении «Небулонга» по поверхности станции, медленно брело, припадая на покалеченный ступоход, его кошмарное видение, только теперь ко всем шизоидным подробностям галлюцинации добавился еще и пятиметровый огрызок швеллера, которым отступающий к кораблю «Фалангер» лупил скачущие вокруг него двуногие лазерные пушки. Те ловко уворачивались от ударов, в ответ поливая хромающую машину ослепительными росчерками лазерного света, из-за чего ее броня уже светилась от перегрева, а в некоторых местах даже расплавилась и потекла, тут же застывая безобразными язвами…

Джон внезапно поймал себя на том, что сидит затаив дыхание и с непонятным самому себе азартом наблюдает за собственным сумасшествием, причем он понял, что его симпатии лежат на стороне хромающей машины, которая медленно отступала по направлению к главной грузовой аппарели «Небулонга».

Осознав это, Джон почувствовал, как его мгновенно захлестнула волна леденящего страха.

Слишком уж РЕАЛЬНЫМ было его бредовое видение… СЛИШКОМ РЕАЛЬНЫМ, ЧТОБЫ ОКАЗАТЬСЯ НЕПРАВДОЙ…

Именно теперь пилот понял, что за всю свою горемычную жизнь он ни разу не испытывал НАСТОЯЩЕГО страха. Такого, от которого трясутся поджилки и холодеет душа.

К грузовому шлюзу «Небулонга» двигалось то, от чего не было и не могло быть никакого спасения.

Ему вдруг нестерпимо захотелось взвыть и забиться в какую-нибудь щель под пультом управления.

— НЕТ! Убирайся! — дико закричал он, вцепившись в стиснувшие грудь страховочные ремни. — Я не хочу тебя! Уходи! Ты мой бред!!!

На его счастье, хромающий «Фалангер» скрылся наконец из зоны действия уцелевших видеокамер.

Освободившись от страховочных ремней, Джон встал и, шатаясь, прошел несколько метров по наклонившемуся в сторону выхода полу ходовой рубки. Поискав глазами отброшенную вгорячах бутылку со спиртным, он увидел ее, закатившуюся за вспомогательный пульт управления, и, подобрав, жадно впился губами в пластиковое горлышко…

Содержимого в ней осталось только на глоток, но и этот глоток тут же вылетел обратно — у Джона вдруг закружилась голова, — он опять отшвырнул теперь уже пустую бутылку и, тяжело, судорожно дыша, уставился в работающие секторы обзорного экрана.

«Фалангера», слава богу, нигде не было видно, но ходячие пушки никуда не делись. Очевидно, они тоже остались неравнодушны к врезавшемуся в обшивку старой станции кораблю. Расположившись полукругом, как раз напротив купола ходовой рубки, они, казалось, пребывают в нерешительности. Изредка то один, то другой из доброго десятка ходячих излучателей приближался к обшивке и начинал заинтересованно ковырять ее лазерным лучом.

«Господи… да что же им надо?!»

Джон чувствовал, что дрожит всем телом, словно вокруг царил лютый, пробирающий до самых костей холод.

На самом деле в рубке управления было тепло. При аварии, по счастью, не разгерметизировался ни один отсек, и индикаторы систем жизнеобеспечения весело сияли зелеными огнями.

Джон опять покосился на обзорный экран в тщетной надежде, что оставшиеся в поле зрения сканеров носатые пушки тоже исчезнут, как исчез боевой робот, о существовании которого находящийся на грани окончательного нервного срыва человек предпочитал даже не вспоминать…

Как бы не так…

Джон вдруг с неописуемым ужасом ощутил мощнейший толчок, как раз в районе грузового шлюза, выдвижная аппарель которого, судя по показаниям приборов, сорвалась с фиксаторов при крушении и выехала за корпус корабля, придя в рабочее положение…

«Нет… ему нипочем не проломить створы… Он не сможет ворваться внутрь!» — уже не веря самому себе, панически подумал Джон и вдруг со всех ног кинулся в скафандровый отсек.

…Толчок, который ощутил обезумевший от страха пилот,

действительно произвел «Фалангер». Но это не было попыткой проломить внешний люк грузового шлюза, как в панике предположил Джон. Нет. «Фалангер» попросту не мог нанести вред своему базовому кораблю поддержки. Толчок являлся следствием того, что боевой робот вскарабкался на прилегающую к кораблю покореженную переборку станции и спрыгнул оттуда на задранную высоко вверх предшлюзовую площадку выдвинувшейся грузовой аппарели.

Его создатели могли гордиться своим воистину гениальным детищем — спустя триста лет после схода с конвейера боевая машина все еще ловко и сообразительно преодолевала различные возникающие у нее на пути препятствия, решая при этом логические задачи не хуже некоторых мыслящих живых существ.

Оказавшись на площадке перед шлюзом, «Фалангер» поднял манипулятор, и из него вместо крабьей клешни вдруг выдвинулся гибкий, упругий щуп с компьютерным разъемом на конце.

В углублении подле плотно сомкнутых створов находилось абсолютно идентичное разъему отверстие. Обе половинки целого соединились с легкостью точно подогнанных друг под друга частей, и щуп, торчавший из манипулятора робота несколько раз провернулся вокруг своей оси, отпирая замок.

Охотнику не нужно было *вторгаться* на борт «Небулонга». Он был спроектирован именно для взаимодействия с кораблями такого типа. Новые владельцы старого военного транспорта не внесли в его конструкцию и внутреннюю электронику каких-либо значительных изменений, и все на борту военного корабля оставалось таким же, как прежде, — и коридоры, по которым свободно мог передвигаться робот класса «Фалангер», и коды доступа к бортовым системам, — переделывать такой замечательно спроектированный корабль, каким являлся военный транспорт «Небулонг», просто не было смысла.

Створы грузового шлюза дрогнули и поползли в стороны.

«Фалангер», не колеблясь, шагнул вовнутрь.

Глава 3

Могут ли машины испытывать трепет?

Вряд ли кто-нибудь из программистов однозначно ответит на данный вопрос. Скорее всего, речь будет идти не о самой вероятности возникновения чувственных ассоциаций, а о том пакете программ, который заложен в долгосрочную память машины.

Люди давно научились «очеловечивать» любые свои создания, еще задолго до того, как поняли, что самыми надежными механизмами все-таки являются те, в чей электронный разум заложена функция саморазвития.

«Фалангер» принадлежал именно к такой категории электронно-механических машин. По знаменитому закону Бейцеля, существовал теоретический «порог накопления информации», за которым любая электронная машина с программами саморазвития начинала ее непредсказуемую обработку, то есть, выражаясь проще, начинала мыслить.

Для боевых роботов любого типа и класса существовал непреложный закон эксплуатации — их не допускали до данного барьера саморазвития, — в определенный момент память машины очищалась, базовые программы переустанавливались на чистые носители, и все начиналась вновь.

Только не в случае с Охотником.

Оказавшись вне контроля со стороны людей, предоставленный, как и многие другие механизмы, самому ребе в условиях разрушенной и прочно забытой космической станции, он уже давно перешагнул свой первый «Порог Бейцеля».

И вот теперь грозный «Фалангер», аналоги которого в период отгремевши несколько веков назад войны являлись сущим адским бичом для всего живого и сущего — и именно таким остались в памяти людей, этот монстр стоял в прямоугольном помещении грузового шлюза и испытывал самый натуральный трепет.

В помещении гулко и протяжно выли насосы, закачивая в шлюз воздух, с тем чтобы уравнять давление между ним и внутренними отсеками корабля. Сбоку, освещая покрытую шрамами броню машины, тускло помаргивала красная, предупреждающая о процессе шлюзования лампа.

«Фалангеру» казалось, что сейчас, в эти секунды на него снисходит самая натуральная НИРВАНА…

Неописуемое блаженство, глубочайшее удовлетворение после сотен

лет сумрака и безысходности, жалкой борьбы за ничтожные эрги, — стоило понять, какую жизнь влачил он и ему подобные на борту старого внеатмосферного завода-станции, чтобы ощутить его трепет…

Внутренние створы грузового шлюза медленно раздались в стороны, открывая «Фалангеру» широкий магистральный коридор «Небулонга», который шел сквозь весь корабль, от кормы до самой ходовой рубки. Чуть ниже, под полом, жарко дышал ядерный реактор транспорта, Охотник явственно ощущал его…

Он сделал шаг вперед, прислушиваясь к внезапно заработавшим сенсорам звуковых волн.

Сервоприводы поврежденной ноги «Фалангера» выли на высоких нездоровых нотах, он вошел в магистральный коридор, сильно приволакивая деформированную конечность, и двинулся по нему в направлении ремонтного модуля, который, как он знал, располагался точно посередине между кормой и ходовой рубкой.

Магнитные маркеры на стенах едва угадывались. Он прошел мимо парковочных ангаров, десантного накопителя, боевых складов и остановился напротив тех ворот, что полустертая магнитная метка обозначала как «ремонтный док».

Выдвинув контактный щуп, Охотник повторил операцию с замком, и массивные ворота начали открываться.

Зрелище, представшее его немигающему оку, совершенно не соответствовало той информации о данном помещении, что хранила в себе его долгосрочная память.

Все ремонтное оборудование отсутствовало, по полу тянулись ряды кронштейнов, будто тут совсем недавно возвышались стеллажи для контейнеров, раздвижные плиты смотровых ям были наглухо заварены, и по ним тоже шли цепочки крепежных приспособлений.

Сказать, что многотонный робот был озадачен, — значит не сказать ничего. Некоторые аксиомы были очень четко прописаны в его памяти. Любой транспорт класса «Небулонг» являлся базовым кораблем, на борту которого он просто обязан был обнаружить ремонтное оборудование, резервные боекомплекты, места подзарядки и т. д.

Откуда же он мог знать, что вот уже две сотни лет, как этот корабль использовался не по своему прямому предназначению, а для коротких каботажных рейсов внутри системы Кьюига, с вполне мирным грузом на борту. Все старое оборудование «Небулонга» было демонтировано и выкинуто вон, чтобы освободить как можно больше места для полезного груза…

Постояв некоторое время у порога пустого отсека, Охотник развернулся и тяжело зашагал в сторону ходовой рубки, сотрясая обшивку корабля своей тяжелой поступью и наполняя тишину раненым визгом поврежденных сервомоторов.

* * *

У Джона Шеборта было только одно намерение — бежать.

По данным ему инструкциям он должен был погасить реактор «Небулонга», дезактивировать все его системы и раскидать по пустым отсекам кое-какое военное имущество прошлых лет, чтобы полностью фальсифицировать обстановку, создав впечатление, будто корабль болтается подле станции с самой войны.

Нетрудно догадаться, что думал Джон по поводу данных ему инструкций с того момента, как дикий страх вымел его из ходовой рубки и погнал к скафандровому отсеку.

Единственной мыслью, которая сумела угнездиться в его мозгу, была настойчивая потребность бежать отсюда, оставив как можно больше пустоты между собой и этим сумасшедшим местом. Джон не сомневался, что воткнувшийся своим носом в обшивку станции «Небулонг» и без дополнительной маскировки производит хорошее впечатление. Ну а если на нем когда-нибудь ко всему прочему взорвется реактор — ну что ж, тогда и осматривать будет нечего.

Хотелось бы ему взглянуть на того психа, который полезет на эту станцию в поисках списанного в утиль старого военного транспорта.

Ребята из нанявшей его фирмы явно страдали манией преследования. Такие места, как это, попросту противопоказаны любому здравомыслящему человеку, а члены комиссии по утилизации списанных космических объектов наверняка были дородными, представительными господами, при галстуках, белых манжетах и четко выпирающих выпуклостях благополучных животов, такие не ползают по свалкам времен войны в поисках компромата на захудалую фирму…

«Черт с ним, с реактором…» — здраво рассудил Джон, набирая полные руки разного военного хлама, который припасли для него работодатели, заботливо упаковав это дерьмо в несколько пластиковых ящиков.

«Сейчас расшвыряю по пути и делаю отсюда ноги!..» — С такой мыслью Джон, уже облаченный в скафандр, выскочил в магистральный коридор «Небулонга» и обомлел.

Прямо на него, приволакивая поврежденный ступоход, двигался тот

самый «Фалангер»…

Джон хотел закричать, но не смог. Бежать — подкосились ноги. В итоге он остался стоять разинув рот прямо посреди коридора, удерживая на вытянутых руках груду различной амуниции времен прошлой войны.

«Фалангер» тоже остановился как вкопанный, вперившись в парализованного ужасом человека немигающим взглядом своей единственной видеокамеры.

Неизвестно, кто из них был шокирован больше — Охотник или Джон Шеборт…

Естественно, каждому участнику этой немой сцены казалось, что больший ужас и смятение испытывает он.

Процессор «Фалангера» в течение нескольких наносекунд задействовал всю свою мощность — такое с машиной не случалось уже давно, обычно для решения внезапно возникающих задач ему с лихвой хватало и половины ресурсов математического быстродействия.

Только не в этот раз.

Электронный мозг робота с сумасшедшей скоростью перебирал свои базы данных, требуя активации все более и более глубоких участков собственной памяти.

ЧЕЛОВЕК… ДВУНОГОЕ ПРЯМОХОДЯЩЕЕ… СОЗДАТЕЛЬ… РАЗРАБОТЧИК… ИСТОЧНИК ИНСТРУКЦИЙ… КОМАНДИР… ВРАГ… БОГ…

БОГ…

По мнению логического сопроцессора, данный термин более всего отражал свойства человека по отношению к созданной им машине.

Еще десять секунд потребовалось «Фалангеру», чтобы востребовать всю доступную информацию относительно понятия «БОГ», которая на протяжении всего времени его существования лежала балластным грузом, занимая небольшой кусочек от общего объема памяти. Эта информация понадобилась ему впервые.

Разумеется, только что сошедший с фабричного конвейера «Фалангер» никогда бы не обозначил человека таким термином. Для новоиспеченной машины Джон Шеборт, застывший с отвисшей челюстью посреди коридора старого космического транспорта, расценивался бы в

лучшем случае, исходя из критерия оценки «Свой—Чужой», но боевой робот с помятым ступоходом вышел из фабричных ворот более трехсот лет назад. За его плечами лежал труднейший опыт автономного выживания в условиях заброшенной космической станции, и, собственно, выжил он только благодаря тому, что уже не один раз переступил пресловутый «Порог Бейцеля». Он был Охотником, членом самоорганизовавшегося анклава машин уровня «С», и для него Джон Шеборт ассоциировался с понятием «БОГ».

Тот, кто создал все сущее. И его, и станцию, и кронгов, и даже этих ходячих недоносков с длинными носами — лазерных излучателей.

Логично, не правда ли?

Для несчастного Шеборта вывод «Фалангера» вовсе не был столь очевиден.

Он боялся этой машины до спазматической тошноты. Он не знал, что ему делать, куда деваться на открытом пространстве широкого магистрального коридора.

Он вообще больше не воспринимал зыбкой границы между реальностью и дикими, сводящими с ума галлюцинациями.

«Если это просто глюк его воспаленной алкоголем психики, то пусть он исчезнет навсегда, немедленно…» Мысленные мольбы Джона не были услышаны, хотя, наверное, впервые в жизни он просил настолько горячо и искренне, что сам поверил в собственную мольбу…

«Это всего лишь мираж, наваждение…»

— Изыди! — дико прошептал он, делая неуверенный шаг вперед.

Из брони робота со щелчком выскочил какой-то шипастый сенсор.

Джона прошиб холодный пот. Он шарахнулся в сторону, вжавшись в стену, а робот вдруг начал медленно разворачивать свой покрытый шрамами и ожогами торс, стараясь не выпустить человека из поля зрения единственной видеокамеры.

Джон понял, ситуация зашла слишком далеко. Ему оставалось одно из двух — либо подохнуть на месте от страха, либо сделать что-то неадекватное с этой огромной бронированной скотиной, преградившей ему путь к шлюзу аварийно-спасательной капсулы.

Травмированная психика Джона почему-то избрала последний из двух вариантов.

Действительно, в подсознании человека заложен огромный, практически неизученный потенциал, проявляющийся и вступающий в действие в критических ситуациях, заставляя нас совершать абсолютно

неординарные поступки. Интуиция порой берет вверх и начинает работать по своим принципам, в которых логики присутствует ровно столько, сколько ее у новорожденного младенца, заинтересованно ковыряющего пальцем отверстие розетки…

«Фалангер» продолжал внимательно следить за Джоном, когда тот, посмотрев на груду различного военного снаряжения, что все еще покоилась на его согнутых руках, задержался взглядом на нескольких тускло поблескивающих обоймах к вакуумным орудиям, торчавшим из неизвестно кем и когда початого цинка…

— Хороший робот… — Джон, не отрывая безумного взгляда от сгорбленной, хищной фигуры боевой машины медленно присел, свалив на пол свою ношу. Потом так же медленно взял початый цинк и вытащил из него снаряженную обойму.

— Хочешь это? — спросил он у «Фалангера», словно прохожий, предлагающий кусочек сахара вставшей на его дороге дворняге.

Из корпуса «Фалангера» с визгом выдвинулся пустой обойменный лоток.

Джон ощутил, как по его спине течет ледяной пот.

На ощупь вытащив из цинка еще несколько снаряженных обойм, он опасливо приблизился к роботу.

Ему казалось, еще секунда, и он все же умрет от страха.

— На, гад, подавись!.. — Он торопливо сунул в ребристые ячейки лотка увесистые обоймы и стремглав отскочил назад, уже туго соображая, что и зачем делает.

Кормить огромную боевую машину снарядами для ее устрашающих пушек, словно шелудивого пса завалявшейся в кармане конфетой?! Джон окончательно понял, что он все-таки сбрендил, особенно когда внутри «Фалангера» гулко взвыл боевой эскалатор, подавая полученные снаряды к затворам изголодавшихся без дела вакуумных орудий, а на правом предплечье робота вдруг замигал злобный красный огонек индикатора зарядки.

«Ну все… хана…» — подумал Джон, пятясь назад, но робот не выстрелил. В левой части его торса внезапно выдвинулся еще один пустой приемник боезапаса.

А что ему оставалось делать?

Не помня себя от ужаса, Джон до конца опустошил цинк, сунув в ненасытную пасть остатки боекомплекта, и левый лоток тут же задвинулся обратно, а внутри робота опять утробно заурчал эскалатор.

Потом огромная машина вдруг повернулась и, прихрамывая, зашагала

назад, к грузовому шлюзу.

Джон вдруг почувствовал, что его ноги, сведенные судорогой от напряжения икроножных мышц, больше не хотят держать на себе вес тела.

«Фалангер», громыхая и лязгая, удалялся в сторону шлюза, и Джон, бессильно сползший по стене коридора, вдруг ясно понял, куда и зачем тот идет.

«Ну все, ребята, теперь-то вам хана…» — обессилено подумал он, имея в виду те ходячие лазерные пушки, что обложили покалеченный «Небулонг» плотным кольцом осады.

Потом, не задаваясь больше никакими вопросами, Джон попытался встать и, когда это удалось, шатаясь пошел по коридору в ту сторону, где располагался люк аварийно-спасательной капсулы.

Выстрелов он не слышал, вакуум не передает звук, зато отчетливо ощущал ритмичную вибрацию, когда снаружи корабля заработали вакуумные пушки «Фалангера».

Потом Джону стало не до них. Забравшись в тесное нутро капсулы, он думал только об одном: как бы не ошибиться, нажимая клавиши стартовой последовательности.

Последнее, что он увидел, когда электромагнитная катапульта вышвырнула его утлое суденышко из пусковой шахты в открытый космос, была приземистая фигура «Фалангера», который стоял посреди пропаханной «Небулонгом» проплешины и, как показалось Джону, провожал старт его капсулы пристальным, запоминающим взглядом своего единственного видеосенсора.

Глава 4

Люди не любят посещать свое прошлое. Особенно когда оно страшное. А еще в большей степени — далекое и неприглядное.

Именно поэтому древняя космическая станция «Дельта-12Q», удаленная на добрый миллиард километров от пограничных планет системы Кьюиг, никогда не посещалась туристами. Что интересного могут найти счастливые и преуспевающие люди среди мрачных обломков былой войны? Зачем им смотреть на миллионы тонн покореженного металла, зияющие дыры от попадания ракет и плавающий в вакууме мусор?

Жизнь навсегда покинула это мрачное место…

Но так ли это? Не крылось ли что-то иное за кажущейся мертвой пустотой древней промышленной конструкции, некогда работавшей на войну и сгоревшей в горниле ее сражений?

Странное движение можно было наблюдать в мрачных провалах покрывавших ее воронок. Казалось, что среди металлического леса различных заброшенных агрегатов, в темных разломах, ведущих в недра станции наклонных пандусов, среди угловатого хаоса покореженных надстроек, нет-нет да и мелькнет какая-то тень, лишь немногим более светлая, чем окружающий древнюю станцию мрак.

Особенно часто подобные тени можно было увидеть в том районе, где старинный военный транспорт класса «Небулонг» косо вонзился в обшивку многострадальной станции, задрав к далеким звездам свою корму с выдвинутой наружу грузовой аппарелью.

Вот и сейчас…

В обшивке «Небулонга» внезапно обозначилась узкая щель — это неторопливо раздвигались вакуумные створы грузового шлюза. Внутри прямоугольной переходной камеры горел тусклый, рассеянный свет, свидетельствующий о работе бортового реактора. В неясном красном освещении, которое давала единственная, предупреждающая об окончании процесса шлюзования лампочка с красным светофильтром, угадывался грозный контур боевой машины, словно сошедшей с книжной иллюстрации далекого прошлого.

Это был Охотник.

Ступив на аппарель, подъемник которой все еще не функционировал, несмотря на старания Ремонтника, он остановился, глядя немигающими линзами трех новых видеокамер на далекие, холодные искорки звезд.

Он был хозяином этого мира. Он, к кому однажды явился БОГ…

Человек, создавший все сущее, прилетел сюда из звездного мрака. Он принес умирающему анклаву машин жаркий реактор — основу их жизни.

«Фалангер» повел торсом, осматривая расплескавшуюся вокруг Бездну.

Он помнил свое свидание с БОГОМ. И он знал, что эта встреча дала ему больше, чем вожделенный источник энергии, больше, чем несколько боекомплектов к вакуумным орудиям — она привнесла в его существование абсолютно новый смысл.

Он смотрел на далекие звезды, откуда прилетел БОГ, и верил, что когда-нибудь их встреча произойдет вновь.

Очередной шаг по бесконечной лестнице Бейцеля… Машина, которая обрела веру…

Страшно и любопытно было заглядывать в тот таинственный мрак, куда уводили крутые пороги самопознания…

Глава 5

На международной станции «Гэлакси», располагавшейся на расстоянии в сорок световых лет от границ системы Кьюиг, в этот день в шикарном кабинете начальника службы транссистемных перевозок встретились три человека.

— Вот, господин Кьюри, рад представить вам нашего лучшего пилота, — радушно произнес начальник службы межзвездных сообщений, подведя к развалившемуся в кресле для посетителей дородному бизнесмену, мужчину средних лет, гладко выбритого, подтянутого, чье лицо дышало каким-то таинственным спокойствием, а глаза походили на два хрусталика льда.

— Благодарю вас, господин Летчер, благодарю! — Посетитель привстал, пожимая руку пилоту. Окинув его проницательным взглядом, он удовлетворенно кивнул:

— Рад познакомиться с вами, Джон. Честно говоря, вы производите впечатление. Именно таким я представлял себе настоящего, закаленного пилота.

В этот момент в кабинет вошла секретарша. В ее руках был маленький круглый поднос, на котором в оправе из хрусталя двух рюмок искрился, преломляя свет потолочных ламп, дорогой коллекционный коньяк.

— Но почему две, господин Летчер? — Гость укоризненно посмотрел на хозяина кабинета, — Такая сделка, господа…

— Извините, господин Кьюри, — мягко прервал его Джон. — Но я не пью. Нигде, никогда и ни при каких обстоятельствах… — добавил он и отвернулся, чтобы не смущать своего нового работодателя.

У Джона были свои профессиональные тайны, о которых он предпочитал не вспоминать.

Конечно, память со временем тускнеет и истирается, чего не скажешь о продолговатой седой метке в темных, коротко стриженных волосах сорокалетнего пилота, о происхождении которой он тоже не рассказывал никому и никогда.

Это был второй личный закон Джона Шеборта.